

О СВОБОДЕ ФИЛОСОФСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ МНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. В. Пивоваров

В условиях нынешней России безграничная свобода мнений прежде всего обнаруживается в дискуссиях между философами, а также в прениях в среде религиоведов, культурологов. Например, ни в США, ни в Англии подобной свободы «без берегов» для философских баталий сегодня не существует – там принято придерживаться философии прагматизма либо аналитической эпистемологии. В этих западных странах сложилась прочная культура, основанная на системе общепризнанных сакрализованных идеалов. Где укрепилась такого рода система базовых идеалов, там философское мышление подчинено этим идеалам и никогда не бывает в полной мере свободным. Наша прошлая советская культура тоже имела свою четкую определенность, базировалась на особой социоцентрической религии с системой культов вождя, партии и избранного советского народа, поэтому ей (как и всякой развитой социальной культуре) идеологический плюрализм был, несомненно, противопоказан.

Замечу, что культуру я определяю как идеалообразующую сторону человеческой деятельности. Основные конституирующие элементы культуры – идеалы. Среди них различаются сакрализованные базовые образцы и светские надстроечные ценности. Фундамент культуры составлен противоречивым единством сакрализованных базовых религиозных и экономических идеалов. В признании идеала громадную роль играют жизнеутверждающие иллюзии и утопии. В случае десакрализации базовых идеалов к ним перестают относиться как к жизнеутверждающим совершенствам, их начинают рассматривать как продукт вредных иллюзий и ошибочных утопий. Тогда культура погибает, и для строительства следующей культуры требуются новая мифология, новые конструктивные утопии, при помощи которых вырабатывается альтернативная система базовых идеалов²⁵⁶.

Нынешняя Россия, как известно, пока не выработала устойчивую систему собственных базовых идеалов. Культурологи обычно именуют квазикультуру Российской Федерации «постсоветской» – кажется, они неспособны уловить ее реальную суть. В нашей стране со времен перестройки подлинной и оригинальной культуры до сих пор не возникло. Отсюда неидеологизированный и неполитизированный философский плюрализм, отсюда свобода российской философии «без берегов». Но потихоньку начинают

²⁵⁶ Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 6–43.

«закручивать гайки» – укрепляется вертикаль власти, происходит частичный возврат к прежним советским ценностям, которые руководители страны пытаются весьма противоречиво сопрягать с религиозными ценностями – православия, ислама и т. д.

Постепенная реставрация прежней (но чуть классически-религиозно нагруженной) национальной культуры в обозримом будущем значительно ограничит свободу отечественной философии: на философию, как и в советские времена, скорее всего, наденут «смирительную рубашку». Для России вообще характерно, что, когда она опирается на устои собственной развитой культуры, и ее базовые идеалы разделяются подавляющим большинством населения, тогда в ней почти нет места никакому идеологическому плюрализму, в том числе плюрализму философскому и религиозному.

Хотите создавать подлинную национальную культуру – будьте готовы расстаться с идеологическим плюрализмом, подлинной свободой мировоззренческих установок и мнений и с полноценной свободой совести. Хотите идеологического плюрализма, ничем не ограничиваемой мировоззренческой свободы совести, тогда вам вряд ли удастся вычленить базовые идеалы искомой национальной культуры, сакрализовать и превратить их в общепризнанные нормы социальной жизни.

После распада СССР в России, действительно, сложились необходимые условия для реальной свободы совести (как в сфере религиозной, так и в области светской, гражданской жизни), для толерантного мировоззренческого диалога. Вместе с тем наблюдаются тенденции «религиозного ренессанса» и «культового шума». Однако жизнь диалектически противоречива: тенденциям толерантности, росту свободы совести непременно противостоят не менее сильные тенденции интолерантности и подавления власти свободы совести. Пропорции, в которых проявляются указанные тенденции, изменчивы и труднопознаваемы. Они требуют постоянного мониторинга, изучения, учета, корректировки.

Полагаю, что в публичной сфере в современной России пока доминирует светское начало. Классическое религиозное начало, по видимому, представляет собой в нашей стране некую «теневую мировоззренческую систему». Правда, если «религию» понимать более широко – как любую «сакральную связь с Абсолютом» (а абсолютизировать можно все на свете), то понятие «светское начало» утратит свою определенность. И тогда нужно будет признать, что, помимо традиционных религий (вроде христианства, ислама, буддизма, иудаизма и т. д.), существует великое множество так называемых гражданских религий (социоцентрических религий), начиная с культа вождя и государства и завершая культом

избранного ученого, либо религиями, сопряженными с Интернетом, с космической тематикой, кибернетикой²⁵⁷. В этом случае придется признать, что религия всегда была и всегда будет оставаться главной формой общественного сознания, фундаментом общественной жизни. Вопрос в том, на какую из множества прежних или вновь возникающих религий нашей стране предстоит сделать ставку.

Продуцируют ли философия и наука некую «единую научную картину мира», которой руководствуются, скажем, граждане России? Бывший президент РАН академик Ю. С. Осипов, по-моему, вполне убедительно доказал, что никакой единой и единственной картины мира – ни в сфере религии и богословия, ни в науке – не бывает и быть не может²⁵⁸. Так, в современной науке между собой конкурируют религиозная и атеистическая картины мира. Одни христиане придерживаются креационизма, иные (вроде П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, А. Уайтхеда, Й. Барбура и др.) предпочитают учение об эволюции видов. В биологии XX–XXI вв. есть не только парадигма неodarвинизма, но также заметно развивается парадигма «научного креационизма». Как известно, Верховный суд США оценил неodarвинизм как разновидность религиозного тотемизма. Сходство же «научного креационизма» с христианским креационизмом очевидно.

Современные естественнонаучные картины мира опираются на квазирелигиозную мифологию, составленную утопическими «теориями всего» (Большой взрыв, темная материя, черные дыры, абсолютно неделимые кварки, гипотеза зашнуровки, демоны Максвелла и т. п.). «Теории всего» в потребной мере не поддаются ни верификации, ни фальсификации. Не наталкивает ли вышесказанное на вывод, что в своей основе нынешняя естественнонаучная картина мира обусловлена некой новейшей мифологией – вполне конструктивными, высоко абстрактными мифами и утопиями? Современные научные картины мира (как и во времена Г. Галилея и И. Ньютона) несут на себе явный или неявный отпечаток христианства. Следовательно, религиозный фактор является латентным онто-аксиологическим ядром картин мира любого рода.

И вообще, по моему мнению, концепт «картина мира», скорее всего, является условным абстрактно-теоретическим конструктом. Не знаю такого философа, психолога или естествоиспытателя, который сумел бы внятно разъяснить, какой именно реальности и насколько этот абстрактный конструкт соответствует. Поэтому мало

²⁵⁷ См.: Пивоваров Д. В. Социоцентрические религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 140 с.

²⁵⁸ Осипов Ю. С. Истина не доказывается, а показывается // Голос православия. 2005. Ноябрь. С. 2–3.

что можно уверенно сказать об объективной детерминации образов «картины мира», о связи этой «картины» с профилем цивилизации. А вот базовые ценности европейской цивилизации (права человека, установка на преобразование окружающего мира и пр.), по-моему, все-таки на деле обусловлены главными особенностями христианского монотеизма.

Классическая дефиниция истины как соответствия знания действительности, по-моему, мало способствует изучению философской деятельности и религиозной жизни. Предлагаю различать два взаимосвязанных вида истины – эпистемическую истину (в духе Аристотеля) и экзистенциальную истину (правду)²⁵⁹. Техническое и естественнонаучное познание суть примеры познания с доминантой отчуждающего начала; они ориентированы на поиск эпистемической истины. Напротив, философское и религиозное познание есть по преимуществу познание осваивающее, сопряженное не столько с поиском эпистемической истины, сколько с постижением онтологической правды жизни. По этой причине религиозные и философские системы продолжают оказывать мощное воздействие на умы людей даже тогда, когда «рационально-научный критицизм» отвергает их посредством объективных критериев эпистемической истинности. В отличие от научных теорий ни одно из великих философских и религиозных учений никогда не устареет, и в этом, вероятно, коренное отличие мудрости (лат. *sapientia*) от науки (лат. *scientia*).

Напомню, что в древней Греции словом «философия» обозначали любовь к мудрости, позже – любовь к научному знанию, а с XIX века – особую научную дисциплину с собственным предметом и методами. Например, в Англии ученая степень в форме возвышенной любви к естествознанию («философия физики», «философия биологии» и пр.) именуется PhD. Соответственно, словосочетание «философия религии» имеет два смысла: 1) любовь к религиозоведению; 2) особая отрасль дисциплинарной философии.

Многие атеисты, путая правду и истину, оценивают религию как «слепую» и бессодержательную веру, не имеющую своего предмета, и противопоставляют ей холодный просвещенный разум. Понятие экзистенциальной религиозной истины не столько применимо к обозначению объективного содержания природных, социальных и психических процессов (хотя и предполагает частичное воспроизведение такого содержания в снятом виде), сколько сопряжено с уникальностью личностного переживания освоения мира, гармонией индивидуального мироотношения. Сколько людей, столько, вообще говоря, и жизненных правд, о чем хорошо

²⁵⁹ Пивоваров Д. В. Наука и религия. Гносеологические очерки. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 69–79.

написал У. Джемс в книге «Многообразии религиозного опыта». Неслучайно прагматисты отождествили истину-правду со свойством идеи придавать нашей деятельности конструктивный характер, вести к практическому успеху, приносить жизненную пользу. Ведь определить можно не только эпистемическое-истинное знание, но также утопии и экзистенциальные иллюзии.

Думаю, во многом справедливо утверждение, что критерием истинности профессиональной философии является ее способность творить конструктивные идеологические утопии, которые предлагают широкой публике оптимистический смысл жизни. «В мире, в котором нет утопии, – пишет директор института философии РАН академик А. А. Гусейнов, – нет места для философии, Философия, которая не может предложить достойной утопии, оказывается бесплодной»²⁶⁰. По-видимому, философия эффективно исполняет свои главные функции, когда в ней сильна та или иная вероустановка, побуждающая к созиданию мировоззренческих и поведенческих утопий.

В конечном счете, главным критерием истинности религии является ее способность породить из себя ту или иную культуру²⁶¹. Мощь культуры – свидетельство мощи экзистенциальной истинности и сопряженной с нею религии. Культуры буддизма, христианства, ислама – наглядные тому примеры. Они суть объективная реальность, которую невозможно не признавать. Ни пантеист, ни теист, ни атеист не сомневаются в реальном существовании названных культур, тайный код которых заключен в соответствующих сакральных текстах. По-моему, нет особой разницы, изучает ли их атеист или теист. Важно только, чтобы исследователь не подменял осваиваемую экзистенциальную правду религии отчужденной эпистемической истиной. В свете предложенного подхода философия религии как строгая теоретическая наука (подобная физике или математике), очевидно, невозможна. Разумеется, религии можно вполне плодотворно исследовать при помощи эмпирико-описательных методов. Но, по-моему, глубинную суть всякой религии лучше всего постигать средствами философии интуитивизма, философии жизни, экзистенциализма, общей психологии.

Полагаю, что наиболее актуальными и перспективными в области философии религии являются следующие задачи.

Во-первых, важно наконец-то построить синтетическую дефиницию религии, сформулировать критерий религиозности,

²⁶⁰ Гусейнов А. А. Философия как утопия для культуры // Вестник РФО. 2007. № 4. С. 42.

²⁶¹ Пивоваров Д. В. Праксеология религии // Пивоваров Д. В. Философия религии. В 3 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 146–154.

вооружить этим критерием не только религиоведов и культурологов, но также чиновников из Минюста, психологов, социологов и всех иных специалистов-отраслевиков.

Во-вторых, нужно обстоятельно исследовать состояние религиозности человека и ответить на вопрос: религия – это только форма индивидуального и общественного сознания или религиозность прежде всего укоренена в сфере бессознательного?

В-третьих, пора бы религиоведам перестать делить людей на «верующих» и «неверующих»: каждый человек во что-нибудь глубоко верит, и нет принципиально неверующих. По-видимому, требуется специальный и пока не существующий термин для обозначения *homo religiosi*.

В-четвертых, в отличие от классических (космоцентрических) религий, пока крайне слабо изучены реальность и взаимосвязь эгоцентрических и социцентрических религий. Например, почему и как конкретно русское православие порождает из себя культуры царя, государства и избранного русского народа?

В-пятых, пока не ясна общая структура академической философии религии. Предлагаю выделять в ней три главных части – онтологию религии, гносеологию религии и праксеологию религии.

В-шестых, по-моему, есть потребность в едином фундаментальном учебнике под названием «История философии религии».

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ РФ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

М. В. Пырина

Формирование правовой культуры молодежи Российской Федерации имеет одно из приоритетных направлений. Поскольку за последние двадцать лет российское законодательство получило существенное обновление, постольку возникает потребность в систематическом исследовании обновленного материала. Формирование правовой культуры молодежи Российской Федерации можно рассмотреть в философско-правовом аспекте.

В современном мире ситуация с исследованием правовой культуры осознается достаточно остро – мы приходим к пониманию того, что развитие гражданского общества заставляет признать, что не государство дарует человеку права и свободы, а инициативы, идущие от гражданского общества, заставляют трансформировать право. Необходимо отметить, что постепенно меняется ориентир в понимании права: с «права силы» на «право человека». По мнению одного из самых известных современных отечественных юристов, имеющего работы и в области философии права,